

силе и мощи, наверное, не найти во всей русской поэзии второй половины XIX века.

М.Н.Катаргина

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ КУНГУРСКОЙ ЛЕТОПИСИ

"Летопись Сибирская краткая Кунгурская" представляет собой интересное явление в региональной литературе. Текст этой летописи до сих пор существует лишь в единственном списке в отрывках в составе "Истории Сибирской" Семёна Ремезова.

Краткий Кунгурский летописец был обнаружен, как предполагают исследователи, С.У.Ремезовым в Кунгуре примерно в 1703 году. Позже статьи из этой летописи известный сибирский историк включил в свою "Историю".

Следует отметить, что Кунгурский летописец был известен не только Ремезову. Так, многие исследователи отмечают, что некоторые рассказы этого летописца были использованы ссыльным политическим деятелем и писателем Юрием Крижаничем (70-е годы XVII века) в "Повествовании о Сибири" (1681).

В науке существует версия о том, что в середине XVII века наличествовала или сама рукопись, или какая-то копия с нее (см.: Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т.1, разд.1. С.74). Так, рассказы о походе Ермака на Сылву, написанные главноуправляющим строгановскими именами П.Икосовым, соответствуют двум первым статьям Кунгурского летописца. По мнению исследователя А.И.Андреева, П.Икосов и С.Ремезов в своих трудах использовали этот источник (Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып.1: XVII век. М.; Л., 1960. С.257).

Основой Кунгурской летописи является так называемая "устная летопись", легенды и предания, бытовавшие в Сибири и на Урале в 20 - 40-е годы XVII века. Литературоведы предполагают, что эта летопись связана с устными казачьими повестями, включавшими в себя рассказы участников похода Ермака и те произведения, которые сохранились в устном народном творчестве.

Исследователями было высказано мнение о том, что автором Кунгурской летописи был выходец из строгановских вотчин. Например, историк В.И.Сергеев (У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. N 12) считает, что автором летописи является рядовой писарь, состоявший на службе Максима Строганова. Причастность к строгановской канцелярии этого человека несомненна: он в тексте ссылается на документы архива Строгановых, помнит, что к моменту похода Ермака на Чусовую вотчиной управлял один Максим Строганов.

Составителя Кунгурского летописца необходимо отличать от автора "устной летописи", который являлся тоже выходцем из строгановских вотчин, но и сам был участником похода Ермака. Составитель летописи выступает здесь лишь пересказчиком устной летописи. Следует отметить, что автор Кунгурской летописи по-разному относится к Ермаку и казакам. Причину такого отношения исследователи видят в разнородном характере литературных и фольклорных источников. С одной стороны, автор называет казаков Ермака "пресловущими ворами". С другой стороны, он восхищается удачами Ермака, симпатизирует поступкам Ивана Кольца.

"Демократическое казачье происхождение сибирских летописей способствовало постепенному обрастанию их фольклорными темами", отмечает Д.С.Лихачев (Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С.399). Кунгурская летопись может выступать наглядным примером этих местных традиций. Автор летописи широко использует татарский обрядовый фольклор, топонимические легенды и предания. Все это придает тексту особый сибирский колорит. Интересным является использование автором вставного текста ("Царицын плач"). Эту песню-плач в городище Тебенды пели татары: "И о тех пяти человеках (пять казаков Ермака.- М.К.) татары поют с плачем при беседах в песнях, припеваючи: яным, яным, бишь казак, бишь казак сиречь: воины, воины пять, пять человек победиша и разориша. И сия песнь их словет Царицын плач". Из этого можно сделать вывод, что Кунгурский летописец интересуется обрядовым фольклором сибирских народов. Топонимические, этнографические предания и легенды, использованные в тексте летописи, оказывают влияние на еще один специфический жанр сибирской литературы XVII века - жанр "хожений". Этот

жанр был создан казаками и землепроходцами (см.: Андреев А.И. Цит. кн. С.68-71).

В текст Кунгурской летописи автор поместил и несколько сказов. Например, "Сказ о ясашном походе" (подробнее об этом см.: Скрынников Р.Г. Ермак. М., 1992. С.103-108). Но, думается, сказы не следует воспринимать как достоверный материал - они могут служить лишь иллюстрациями к точным историческим фактам.

Таким образом, многоплановость литературных источников, летописная структура, интересные образы и особый стиль повествования выделяют Кунгурскую летопись из ряда так называемых Сибирских летописей. Материал этой летописи может быть использован для дальнейшего исследования.

Л.С.Кислова

ФЕНОМЕН "ПОСЛЕДНЕГО КАРНАВАЛА" В ПРОЗЕ Б.ПИЛЬНЯКА НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ

Участниками "последнего карнавала" становятся практически все герои прозы Б.Пильняка начала 1920-х годов, потому что конец старого мира в его произведении скорее напоминает конец света. Карнавальное безумие "кружит" героев романа "Голый год" (1921), "перебрасывает" их с одной карнавальной "площадки" на другую: в город Ордынин, на станцию "Разъезд Мар", в степные хутора в Поречье, в переполненные теплушки пятьдесят седьмого-смешанного. По мысли М.М.Бахтина, от него (карнавала) некуда уйти, "ибо карнавал не знает пространственных границ". Карнавальное действие закружило и уничтожило коммуны в Поречье, старого князя Ордынина, товарища Лайтиса, Оленьку Кунц и Сергея Сергеевича, Семена Зилотова и архиепископа Сильвестра, Андрея Волковича и Глеба Ордынина. Большинство героев исчезает со страниц романа, и шутовской карнавальный смех звучит как предсмертный хохот, и не случайно пятая глава называется "Смерти", поскольку "последний карнавал" неминуемо заканчивается смертью участников действия.

Предсмертные карнавальные взаимоотношения героев романа "Голый год" достигают своего апогея на разъезде Мар - самом темном месте на земле, месте, на котором никогда не